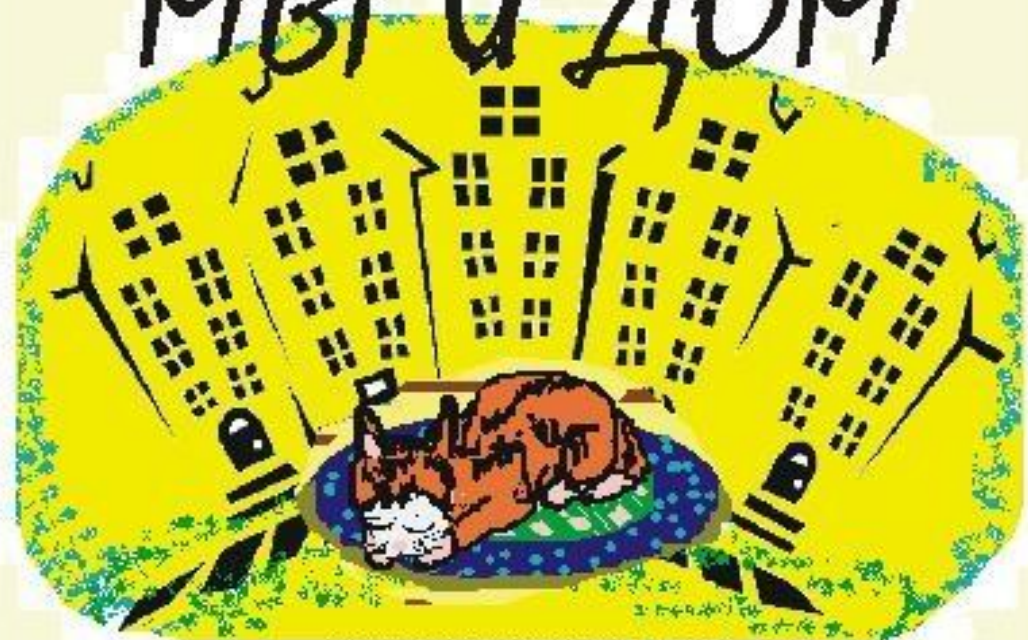

Татьяна Левченко

МЫ И ДОМ

сказка эпохи перемен

Керчь
2010

Татьяна Левченко
МЫ И ДОМ
сказки эпохи перемен

Керно
2010

ББК - 84. (Крым. - Рус.)

Л - 46

Литературно-художественное издание

Татьяна Левченко «Мы и Дом. Сказка эпохи перемен»

Л - 46 Татьяна Левченко

ББК - 84 «Мы и Дом. Сказка эпохи перемен».

Литературно-художественное издание

Керчь, «КГЛито «Ли́ра Боспора» - 2010 г. 60 стр.

Редактор Вдовенко А. Н.

Компьютерный набор, дизайн, вёрстка Левченко Т. В.

ISBN 978-966-8230-78-0

ISBN 978-966-8230-78-0

© Левченко Т. В. текст, 2010 г.

© «КГЛито «Ли́ра Боспора» 2010 г

МЫ И ДОМ

Почти каждая сказка, добрая сказка начинается словами «Жили-были...» или «В некотором царстве, в некотором государстве...»

Начнём и мы нашу сказку, добрую сказку этими добрыми словами...

* * *

В некотором царстве, в некотором государстве жили-были...

– И-и-игз-сс-кр-р-рс-сс! К-гм! И-и-эх-хс-с-с!

Жили-были мы, были мы, жили!

А теперь – не поймёшь, что почём:

Перестроили всё, обложили...

Обложили меня кирпичом...

– Стоп, стоп! Что это?! Кто это?!

– Вот-вот: «кто это». А по: «что это», «что это».

А я, судари, не «что», а «кто». Так и запишите. Да-да, записывай, записывай...

– Ах, это ты, Дом... Но... извини, я о тебе пока не пишу. Я только начинаю сказку. А каждая сказка, добрая сказка начинается добрыми словами: «В некотором царстве, в некотором государстве жили-были старик со старухой...»

– Хс-с-с-ххс-с-с! Кгр-цз-за-и-ингз-з-с! Ерунда всё это! Какая сказка, да ещё добрая! Суровая правда жизни! Не отрывайся от действительности, милая, пиши всё, как есть. То есть: Государство – никакое не царство... ну, «жили-были» своё можешь оставить: куда деться – жили, живут и даст Бог, ещё долго проживут... и старик со стару-

хой, и всё это шумное непоседливое семейство, и я... но смотри, чпоб «кто», а не «что». я настоятельно пребую...

– Ну, хорошо, хорошо, Дом. Да я уже это и записала. Но прошу тебя, не перебивай. Потому что реальность реальностью, а Дом – «кто» может существовать только в сказке. Так понимает абсолютное большинство людей, и мы не должны уходить, поэтому от правил жанра. В частности: в сказке персонаж не может обращаться к читателю или слушателю, к автору в том числе, вмешиваться в ход событий...

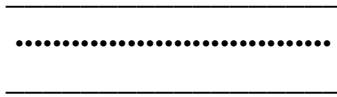
– То есть, как?! Я не могу ничего говорить?! Это нарушение! В нашем государстве свобода слова, а ты мне рот запыкаешь...

– Увы, приходится. Иначе не получится ни сказки, ни действительности. Я закрываю тетрадь, и – ничего-

ничего писать не буду. Будем жить, как жили, и никто-никто не узнает, что есть такой Дом – «кто».

– Постой, не закрывай! Я молчу-молчу-молчу! Как это – никто не узнает?! Пиши, пиши! Хоть сказку, хоть очерк, хоть это, как его, эс-с-с-се... и-и-игз-с-с-кр-ррс-сс! Кгрзм!

... Тишина... Ну, что ж, начнём нашу сказку...

Но что-то не то получается... Сбил меня, всё-таки, Дом... Конечно, в традиционной сказке персонаж не может выходить за рамки своего действия: какая же это тогда сказка?! А, видимо, придётся...

Ну, ладно. Мы сделаем вот что. Сказка будет идти своим чередом, а если какому-либо персонажу вдруг понадобится что-то сказать, мы его на

время будем выпускать из сказки. И отмечать эти места. Ну, хоть точками, или шрифтом другим...

А пока...

* * *

В некотором не-царстве, в некотором Государстве, в одном не большом, но и не маленьком Городе жила-была семья Александровых.

Это была немного странная семья: в ней всех звали Александрями. И, чтобы не путаться, каждого из них называли каким-то отдельным именем.

Дедушка – Саша. Бабушка – Шура. Папа – Саня. Мама – Санечка. Сын – Санька. И дочка – Сашка.

Жила эта семья порознь. Дедушка с бабушкой в одном конце Города, в своей квартире, а все остальные – в другом конце, тоже в квартире большого железобетонного дома.

Жили они так долгие-долгие годы. Ездили, с пересадками, на двух автобусах, друг к другу в гости по выходным и праздникам. А в остальные дни – каждая часть семьи была сама по себе. И, порою, если бабушка или дедушка прихворнут, то мама с папой, бывало, даже не узнают об этом. И наоборот. Потому что каждый считал: ерунда, мол, из-за такого пустяка ехать в другой конец города, сооб-

щать: телефонов в нашей сказке, увы, не было. Или почти не было.

Но вот, настали трудные времена. Змей Горыныч, правда, не прилетал, и войска иноземные не грозили нашему Государству. Но что-то плохими ветрами подуло над мирным краем. И словно выдули эти ветра из душ людских спокойствие, с лиц их улыбку смели, а из домов и квартир унесли они тепло, благополучие и надёжность ощущения ДОМА.

– Гррркссс! Иггзвзз!

– Ну, что ещё, Дом?! Разве я плохо начала нашу сказку? Почему ты опять вмешиваешься?

– Я – это... напомнить хочу... Ты, вот, о ветрах недобрых написала. А откуда они, эти ветры, пришли? Не забудь, всё в точности скажи. А то ведь не поймут люди, в чём дело. Решат, что силы недобрые их насылают. А ведь на самом деле...

– Но ведь, на самом деле – силы недобрые. Ты же прекрасно это знаешь, Дом...

– Я прекрасно знаю и другое. Что если нет щели, – в доме ли, в отношениях людей, – никакой, не то что ветер, – самый безобидный сквознячок не проскользнёт. А у тебя ведь – уже ветры. Серьёзно дело, значит: не щели какие-то – трещины и прорехи...

– Хорошо, Дом. Спасибо за подсказку. Я понимаю: всё это ты на себе испытал, пережил. Кому, как не тебе судить об этих вещах... Слушай! Я придумала: ты сам расскажи. Как говорят: показания очевидца, – они ведь самые верные. Кто со стороны, – может не так что-то изложить, напутать...

– Гз-мз... Ты же говоришь – нельзя в сказке от первого лица...

– Но мы ведь сделали уже оговорку, как будем поступать. Вот, сейчас ты, вне сказки, всё и поведаешь. Давай? Начинай: я записываю.

– Да-а! легко сказать – начинай. А с чего начинать-то? История ведь давняя-предавняя...

– Да расскажи просто, как у тебя всё это происходило.

– У меня? Сейчас? Да сейчас-то не очень... Вот, давненько как-то, когда меня только-только построили... Вот это – да! Была история!

Это случилось очень-очень давно. Я говорю: хоть подновили, кирпичом, вот, красным обложили... а основа, основа-то у меня, ой-ой, какая старая...

А построили меня не эти хозяева и не их родители, и даже не родители тех родителей. Другие хозяева были

погда. Помню: большая такая, дружная семья. Дедушка с бабушкой, при сына у них было, а у тех — у двух уже семьи были, дети малые.

Как они меня строили! Эх, как строили!.. я каждым камешком своим, каждой досочкой помню это. С любовью, с лаской. Весёлые все были. Мужчины стены кладут, женщины раствор приготавливают. А детишки — и те: кто инструмент подаст, кто, если силёнок хватает, — и камешек припащит. Всё - вместе, всё — дружно. С песнями, с шутками. Старший сын всё приговаривал: «Вот, построим свой Дом, разожжём в нём огонь живой и заживём, славно заживём — все вместе».

Так оно и было поначалу. Но годы прошли, старики поумирали. Остались при сына с семьями, с детьми. А при комнаты погда во мне было. Тесно им уже стало всем. И

вот, нет-нет, а невестки на кухне поругаются: кто не там что-то положил, чей ребёнок не то взял...

Холодком, сквознячком попянуло между семьями. Так бывает: форточка открыта, а тут дверь кто-то – настежь. И – сперва сквознячок, может, даже приятный, освежающий в душной комнате. А там, глядишь, сильнее, свежее, злее – ветер начинает по дому гулять, вещи перебить, разбрасывать. Может даже и мебель какую повалить. Сырость, холод в дом заносит, – шпукатурка сыплется, половицы скрипеть начинают от влажности...

Вот так и здесь. Перерос сквознячок свар кухонных в злой, сырой, холодный ветер, ураган даже. И разметал этот ураган все три семьи. Не только между собой переругались, – кто главный хозяин в доме, но внутри семей мужья с жёнами перессорились. Дети выросли – разлетелись, кто куда. А тут беды всякие в мире пошли. Разнесло по бе-

лу свету всех их, не осталось – ни большой семьи, ни по отдельности. Куда они подевались, я уж и сказать не могу. Доживала здесь свой век младшая невестка с малой дочерью. Болела она, за домом следить сил не было. И стал я ветшать, разрушаться... Душа моя так ослабела, что чуть было не покинула меня.

Вы видели дома, которые Душа покинула? Хмурые стоят, понурые. Вот и я чуть было не стал таким.

– Дом, а как это – Душа уходит, а Дом не умирает?

– Как – не умирает?! Без Души он уже не Дом, а так, жильё, крыша над головой – и только.

– А Душа куда девается?

– К другим Домам уходит, к сильным. Сливается с Душой такого Дома, и становится уже его.

– И не возвращается больше? Ну, если хозяева новые, или те, что ссорились, к миру придут?

– Нет, не возвращается. Это люди, живущие в доме, должны тогда новую Душу ему дать. А для этого они не только белить-красить должны, а принимать дом, как Дом, а не как жильё. Сумеют – оживёт Дом, повеселеет. Нет, – так и будет понурым и неуютным.

– Ну, хорошо, а дальше – что? и про ветер. Не может же ветер, погубив один Дом, лепетать, всё Государство рушить...

– Один – не может, конечно. Но, вот так вышло – слишком много стало таких семей, допустивших, чтобы сквознячок в ураган перерос. А они, из домов вылетая, объединялись, и – пошли, пошли...

Вот и вышло, что над всем Государством недобрые ветры летают. Уже сами, не дожидаясь, пока щёлка какая откроется в том или ином Доме, рушат стены, просачиваются, где и как могут. И – холод, сырость, отчуждение

несут в Дома, в семьи. Дома страдают, семьи страдают... Ты газеты почитай: разводов сколько... Всё – ветры эти: рушат семьи. Вот так-то...

А у меня как вышло. Эта младшая с дочкой жили, жили. Совсем невмоготу им стало. Но вот, старший сын её или решил пожалеть мать, или деньги ему очень понадобились... Продали они меня, да и уехали. Я тогда уже еле живой был. Но повезло с новыми хозяевами. Те крепкой семьёй оказались. И меня подремонтировали, – все щели заделали, стены поштукатурили, половицы гнилые заменили. Хорошо стало: не ссорились они, не ругались. Тесно спановилось, – кому-то новый Дом построили, – да здесь вот рядом, за углом. Или, вот, ко мне комнаты ещё пристроили, расширили. Это только напоследок уже нелады пошли. Как ни берёг, как ни удерживал, а – просочились какие-то сквознячки вредные: пошла уж размолвка. Суметь ли удер-

жать, остановить, когда уж не как Дом меня принимают,
а — жильё и только.

Обидно стало, очень обидно.

А Душа моя много приняла в себя душ Домов иных,
сильная стала. Ну, и я... это... решил: не могу их остано-
вить, так хоть хозяев сменить, пока не начал рушиться,
слабеть Душой.

Вот такая история, в общем-то. Понятно, нет ли?

— Спасибо, Дом. Думаю: кто хочет понять, топ и
поймёт. А кому непонятно...

— Пожалеть их надо бы: значит, сильно ветры их
остудили, если не поймут слов простых. Ну, ладно, ты пи-
ши там дальше, а вернусь, пожалуй, в сказку. Всё же, ты хо-
рошо придумала — сказку писать. Там жизнь веселей,
дружней. И... поговорить можно. Пиши, давай.

Ну, что же, продолжим нашу сказку. На чём мы остановились? Ага, ветры задули, повыветали из домов тепло, благополучие...

– Хорошо... Постой, Дом! Я ещё одно спросить хотела. Ведь, пока ты не сказал о Душе Дома, я о ней и ведать не ведала... Слушай, Дом, ну, хорошо, в таком, как ты, доме есть Душа – её оживляет живущая в доме семья. А как же в тех, больших домах, в которых десятки и сотни семей сразу живут? Как у них, ты знаешь?

– Знать-то знаю. Но ведь тоже – рассказывать. Задерживается твоя сказка из-за этих экскурсов.

– Ничего, Дом, там, в сказке, жизнь идёт своим чередом. Но надо же узнать всё. А то, как я буду писать, не имея понятия, что на самом деле происходит. Расскажи.

– Что ж, расскажу. Пещеры людей доисторических помнишь? Первые дома, можно сказать. Как вы них селились? В одной пещере – одна большая-большая семья.

Потом дома научились строить. И опять: в Доме – одна большая-большая семья. Распёт семья – расширяется Дом.

А эти, коробки железобетонные... разве это Дома? Конечно, считается: все люди – одна очень большая семья. Но ведь только считается... На самом деле, в этих десятках и сотнях квартир живут десятки и сотни осколков самых разных семей. Разве могут осколки эти создать, слепить душу Дома?! Хватает – и то, в редких случаях, какую-никакую захудалую Душу в квартире своей поселить. Да неустойчивы они: чуть сквознячок, чуть слово недоброе, гладишь – упорхнула к более сильной, надёжной. Я сам, знала бы ты, сколько их, таких, принял. Вот если бы

действительно в таком большом доме, пусть в разных квартирах, жила одна большая-большая семья, или хоть бы те осколки просто ощутили себя таковой... Дружно, вместе. И свои житейские проблемы решать, и за Домом следить... или во всём городе... в государстве...

Но это уж вовсе фантастика, не сказка даже. Не бывает такого.

Потому они, большие дома, не Дома, — а жильё да и только. Потому и нет в них души, способной и за себя постоять, и хозяев дома поддержать, если что...

А по — си-и-идят по своим квартирам, двери железные понаставили, решётки на окна, балконы позакрывали... Какая семья, если с соседом «здрасьте» не перекинутся... Да-а-а... Может, когда строили эти здания, и мечтали, что будет иначе... Сама знаешь, — не получилось...

– Да-а... Грустно, в общем-то... Дом – без Души...

Неужели так везде-везде?

– Может и бывает, как чудо какое. Но, как вы, люди, говорите - исключение из правила только подтверждает само правило.

Но хватит уже об этом! Пиши, что там дальше!

Так вот. Подуло плохими ветрами над мирным краем. И словно выдули эти ветра из душ людских спокойствие, с лиц их улыбку смели, а из домов и квартир унесли они тепло, благополучие и надёжность ощущения ДОМА.

Трудно стало и семье Александровых. И всё, вроде бы, не так уж плохо, но как-то всё не так, как-то неладно. Зимой в холодных квартирах стало тоскливо, пусто и неуютно. Стали чаще болеть. То дедушка с бабушкой, то мама или папа, то Санька или Сашка. И продукты стало трудно покупать: то денег не хватает, то продуктов. А если есть и то и другое, – вдруг в квартирах кончался газ или во-

да... Словом, – трудно. И – грустно. Надо было что-то делать, как-то исправлять положение.

И собралась тогда вся семья Александровых вместе, и задумались все. И дедушка Саша, сидя в своём любимом кресле. И бабушка Шура, примостившись у краешка стола, подпёрла кулаками седую голову. И мама с папой притихли рядышком на диване стареньком, скрипучем. Сашку временно отправили погулять с подружками: ей пока непонятны были заботы взрослых. А Санька в это время был далеко-далеко, охранял границы, чтоб, вдобавок к злым ветрам, не напали на государство войска иноземные. Но ему написали большое письмо, и он тоже там, у себя, сидя у рации, задумался.

Думали все, думали, головами покачивали. И вот, наконец, Санечка сказала:

– А что, если взять нам, да и объединиться. Поменять наши две квартиры на один большой, хороший и тёплый дом. Все вместе мы дружно будем противостоять бедам и невздам. И дом, общий Дом будет нам помогать. Мы его содержать будем в порядке и тепле, а он нас поддержит своей прочностью, уютom и надёжностью.

Покачал головой дедушка Саша:

– Большой дом, он много забот требует, чтобы в порядке его содержать. И топлива много нужно, – тепло хранить.

– И ремонт, и огород, и двор в чистоте содержать... – подхватила бабушка Шура. – Где сил столько найти? Мы уже старенькие с дедушкой, болеем часто. А вы, молодые, не сумеете со всем разобраться.

– Я – как Санечка, – сказал папа Саня.

А Санечка встала и сказала:

– Конечно, мы, молодые, сами не справимся: навыков не хватит. Но вы будете помогать нам подсказкой, добрым словом. Ваши поддержка, знания – наши руки.

Топлива много надо, но его раз на год купить, – и не будешь зависеть: есть топливо в котельной для многоквартирных домов, или уже закончилось, и холод придёт среди зимы. Так же и с ремонтом, и с огородом, и с двором. Ведь всё это не круглый год делается в полном объёме, а каждый день понемножку. Поэтому, не так всё сложно и трудно, как кажется.

Опять же: легче раз или два в год побелить и покрасить один дом, чем две квартиры. Знаю я: не заботы по содержанию дома вас беспокоят, а другое. Мы долгие-долгие годы жили порознь. Не как одна семья, а как две разные. И у каждой семьи сложились свои привычки, у каждой – свои методы решения проблем. Но пришли нынче трудные времена, порознь уже нельзя.

Поэтому я и говорю: нужно нам поспешить объединиться. Пока дедушка с бабушкой ещё не совсем старенькие и больные. Чтобы было время притерпеться. Нам, молодым, – успеть обучиться всем делам. Найти общие для объединённой семьи способы разрешения трудностей и проблем. Тогда потом, когда дедушка с бабушкой состарятся сильно, немощными станут, им уже не будет так сложно и болезненно всё это – уже привычно будет.

В это время пришёл почтальон и принёс письмо от Саньки. И вот что было в нём написано: «Дорогие мама и папа, дедушка и бабушка! Я здесь думал-думал, и решил: надо нам всем вместе переехать в один большой, хороший и тёплый дом...»

– Вот видите! – воскликнула Санечка. – Санька, хоть и далеко, а придумал то же самое, что и вам предлагаю.

– Это-то хорошо, – сказал Саша. – Сейчас Санька так пишет. А вернётся он со службы, приведёт в дом молодую, незнакомую жену...

– Да, – вставил Саня, – этого ты, Санечка, не учла. Ведь жена эта будет не из нашей семьи, у неё совсем другие мысли и понятия будут. Вдруг станет она говорить Саньке: «Плохо жить со стариками и родителями, давай поделим дом, построим для себя отдельный вход...»

Санечка поморгала растерянно и призадумалась. Хотела сказать, что такую вредную жену Санькину она не примет, но знала: если Санька будет любить ту жену, – никуда не денешься. Как же быть?! Неужели из-за этого разрушится такой великолепный план...

– И-и-ихс-с-вз-ззз! Ты что это! Ты что это надумала-то?! Как – разрушится? А я?! Ты же ещё ничего-ничего не написала обо мне!

– Да, Дом, пока не написала. Но зря ты волнуешься. Как раз сейчас, пока всё семейство Александровых размышляет над возникшей проблемой, можно отступить и рассказать ещё об одном персонаже. Так что, помолчи, не мешай.

А где-то, в том же Городе, на одной из тихих зелёных улиц, жил-был Бом. И люди в нём. Две семьи. Молодые семьи.

Хозяева были брат и сестра. Родители их когда-то давно уехали в другое государство, а Дом оставили взрослым детям. Повелели жить в мире и дружбе, хранить Дом, – а он им поможет.

Но брат женился, сестра вышла замуж, появились в обеих семьях дети, стало им всем тесно в одном Доме, стали они ссориться между собою. А в ссоре хуже стали смотреть за Домом: каждая семья считала, что она больше другой делает дел, а в итоге всё хуже и хуже эти дела шли. И Дом, добрый, тёплый при родителях, загрустил, пригорюнился, стал расшатываться, поскрипывать... И, обидевшись, уже не помогал семьям ссорящимся, а словно напротив: то штукатурка где-то осыплется, то половица проломится, то труба дымовая засорится...

Всё пошло в этих двух семьях наперекосяк. И тогда собрались они все вместе и тоже стали думать, как же поправить положение. Думали, думали, и порешили:

– Давайте, перестанем на время ссориться, наведём в Доме порядок, отремонтируем его и обменяем на две квартиры, чтоб никому не было обидно.

Порешили, и взялись за дело. Прочистили и подновили дымоход, построили в Доме венную с туалетом (потому что те, кто живёт в квартирах, привыкли не на улицу бегать и в баню ходить, а тут же, в доме и мыться, и убираться: без этого не поменяются). Напоследок, обложили весь Дом поверх старой каменной кладки красным кирпичом: и привлекательней снаружи, и тепло кирпич лучше удерживает, не даёт старому камню сыреть.

Вот так они переделали все дела с ремонтом, и дали во все газеты объявления, что меняют Дом на две квартиры.

– Спргз-з-згс-с!..

– Уважаемый Дом! Я же просила: не мешай! Ты ведь сам знаешь золотое правило нашего жанра: скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается. И всему своё время. Ты должен согласиться, что, пока ссорились да ругались две семьи, – никто и не подозревал, что Дом – это «кто», а не «что». Ты же молча все те мелкие пакости делал...

– Почему – пакости?! Почему сразу – я виноват?!

Не смотрели, – вот и сыпалась шукапурка...

– Шукапурка-то ладно. А если вещь какая перялась? А если подвывания всякие хозяевам спать не давали, детей пугали? А? молчишь? То-то же. Так что, не поропись: всё будет сказано в своё время.

Вот так, значит. Дали две семьи в газеты объявления. И ждут, поджидают, когда к ним будут приходить желающие обменять свои две квартиры на один дом.

И стали приходить к ним люди...

– Ххх-ссс! Молчу-молчу-молчу... кхс-ссс!

... И стали приходить к ним люди.

Вот, как раз теперь и выходит на сцену главный персонаж нашей сказки – Дом. Долго, долго он дождался своего мига, звёздного часа своего. И вот, решил: раз уж пришло такое время, что хозяева меняются и выбор есть, почему бы ему, Дому, самому не сделать это – выбрать себе новых хозяев по своему вкусу. Таких, какие ему, Дому, понравятся. И начал он выбирать.

Сначала пришли люди из другого города. Хорошие, вроде, люди. Но вот, не понравилось Дому: сынишка их подошёл к нему и давай на новеньком красном кирпиче гвоздём что-то выцарапывать. Нет, не захотел такого вредного мальчишку впускать к себе Дом.

Навевал он хозяевам сны грустные, – как им уехать из родного Города, где-то в чужом краю жить. Не стали они меняться на другой город.

Потом пришли трое весёлых здоровых парней. Похлопали они Дом по стенам кирпичным, осмотрели всё – и двор, и огород, и крышу, и ванную с туалетом новые. И говорят хозяевам:

– Давайте, – говорят, – мы купим у вас этот дом, а вы на те деньги себе квартиры купите, какие понравятся.

Тут уж хозяева, не будь дураки, сами отказались. Дому и подсказывать не пришлось, что не по душе ему такое фамильярничанье.

Приходили ещё и ещё люди. Но у кого-то квартиры были не подходящие, кого-то Дом отваживал то скрипом неуместным, то запахом непонятным из погреба...

Шло время, а Дом всё не мог выбрать себе подходящих хозяев. А старые опять начали всё чаще ссориться. Каждая семья стала винить другую, что вот, из-за них, из-за их придирок никак обмен найти не могут.

Не месяц и не два прошли с тех пор. Много людей приходило. Но никто-никто не замечал и не понимал, что Дом – это «кто», а не «что». И стало Дому очень грустно. Неужели не найдётся во всём городе такой семьи, чтобы поняла его, заметила... Чтобы хотела вся семья жить в Доме, а не в «жилье с удобствами»...

Уже и холода наступили. Начали хозяева печь топить. А дым всё в комнаты валит: отсырел дымоход из-за грусти Дома. Ставни новенькие не закрываются плотно: ослабил Дом петли их, запечалившись.

Дожди идут осенние, бьют по стёклам холодными каплями, стекают ручьями с подоконников... Плачет Дом: так долго не находит он хозяев по душе себе...

Что это?! Что за брызги холодные на листы мне сыплются, размывают написанное? Это пы, Дом? Ну, ну, не надо так...

– Прости уж... расчувствовался... вспомнил былое... Продолжай, продолжай... не буду я больше. Вот, сейчас сквознячком через форточку всё просушу. Ну, лады?

– Лады, лады. Но сдержанней быть нужно. А то мы договорились, что будем выпускать персонажи из сказки, а пы, наоборот, из действительности в сказку иное приносишь.

А семья Александровых так ничего и не решила пока. Предложение Санечкино всем по душе пришлось, да страшновато из жизни привычной, хоть и трудной, переходить непонятно куда, неизвестно, в какой дом. А самое главное, – как решиться всем вместе жить, когда привыкли порознь. А у каждого – свой характер, своё мнение... Дума-

ли каждый себе, а решиться всё никак не могли: «Хорошо бы, да вот, только...»

Осенью, когда холода настали сырые, дожди зачастили печальные, в квартирах снова стало тоскливо, неуютно. Топлива в котельных оказалось очень мало, и квартиры совсем не обогрелись. Газ вовсе перестали завозить, вода чуть заметной струйкой сочилась из кранов, и свет – единственную надежду – всё чаще стали отключать. Всё злее ветры завывали над мирным краем. И никто не знал, как их остановить, как на доброе поворотить...

Пришла пора, и возвратился со службы Санька. Приехал он домой, к родной семье, а в квартирах стыло, неуютно.

– Ну, почему, – говорит, – почему вы все никак не решитесь?! Ведь, был бы у нас свой общий, большой, тёплый и уютный Дом, – собрались бы мы у огня живого, светлого... И телу хорошо, и душа согревается... Тихо, спокойно, надёжно...

– Да вот, Санька, – ответили мама Санечка и папа Саня, – не решимся никак. Всё бы хорошо, может, и примирились бы все вместе. Да пора придёт, – приведёшь ты в дом жену, чужую, незнакомую... Вдруг не захочет она жить со всеми нами в ладу, вдруг станет говорить тебе: «Давай разделим дом, отдельно от стариков будем жить...» И пойдёт

в семье разлады, и уйти никому нельзя будет: некуда.

– Глупости! – воскликнул Санька. – Да разве я такую жену приведу в Дом?! Лучше вообще никогда не женюсь, чем вносить разлад в нашу семью.

– Это ты сейчас так говоришь, – усмехнулась Санечка. – А любовь придёт – забудешь все слова свои.

Задумался Санька. И день думал. И другой думал. И ещё много-много дней думал. А потом однажды сказал маме и папе:

– Поедьте к дедушке с бабушкой, надо нам большой семейный совет держать.

Собрались все и на двух автобусах, с пересадкой, поехали в другой конец города, к дедушке и бабушке.

Обрадовались дедушка с бабушкой гостям и удивились:

– Что это вы, – говорят, – не в выходной и не в праздник, а просто среди недели в гости нагрянули? Случилось что-нибудь?

– Ничего не случилось, – ответил Санька. – Но надо нам большой семейный совет держать. Потому что дальше так жить нельзя. Застываем мы порознь и телом, и душой: сырость и неуют разрушают всё семейное спокойствие и благополучие. Надо, надо нам решиться, найти свой Дом и жить

там всем вместе, всем вместе хранить тепло, порядок и уют. Семью нашу хранить.

Дедушка Саша покачал головой, сидя в своём любимом кресле:

– Уж очень мы разные все, Санька, – сказал он. – У каждого свой характер, свои привычки. Где найти такой дом, чтобы все мы могли спокойно и мирно жить в нём? Чтобы был в этом доме очаг с живым огнём, у которого семья отогреется и телом, и душой. Этот дом искать-искать... и найдёшь ли? А найдёшь, – сумеем ли мы и содержать, и хранить его тепло, порядок и уют? А если ты жену приведёшь...

– А вот об этом я и думал долгие-долгие дни и ночи, – ответил Санька. – И вот что надумал. Мама Санечка правильно сказала: сейчас я могу обещать что угодно, а любовь придёт, – забудутся обещания. Потому я написал всё, и будет это написанное храниться в Доме у самого старшего в семье, у дедушки. А написал я вот что, – достал Санька из кармана блокнот, из блокнота лист бумаги исписанный, развернул и прочитал для всей семьи:

– Стоп! Автор, прошу слова!

– Ну, что ты ещё придумал, Санька?! Вот-вот всё решится, состоится обмен...

– Что решится? Ты только подумай: что я мог написать?! Обязательство, что запрещу будущей жене склоки разводиться? Может, ещё и у нотариуса заверить? Ты же сказку пишешь, а не судебные заметки. А раз сказка, – напиши, что я встречу какую-нибудь царевну-лягушку, под кожей которой будет обязательно Василиса Премудрая. Ещё какое-нибудь волшебство-колдовство... Я так понимаю: сказка, она и есть сказка. Никаких документов и обязательств...

– Но, послушай! Василиса Премудрая – персонаж другой сказки. Не могу я её сюда включить. Девушка, которую ты встретишь, ведь из современной молодёжи будет, может, с чересчур деловой хваткой...

– Я тоже прошу слова!

– Это ты, Санечка? А ты что хочешь сказать?

– А по. Я тоже против такого подхода. Включай в сказку волшебство. А по, что получается, – «современная молодёжь», «деловая хватка»... Это же совершенно реально всё. Не можешь сказку писать, – пиши просто повесть. Зачем людям голову морочить?

– И по верно! – это уже дедушка. – Что это за сказка, – ну, никаких чудес. А ещё обещала добрую сказку. А пока получается всё грустно и плохо.

– Ну, ничего волшебного! – добавила бабушка.

– Может и ты, Сашка, что-то скажешь?

Я – Скажу. Сказки разные бывают. Я их ещё не так много прочитала, но даже в самых современных – обязательно что-то чудесное. А у тебя – ничегошеньки!

– Как – ничегошеньки?! А Дром?!

– А что – Дом? – вставляет своё слово и Саня. –
Что в нём особенного? Он же вполне реальный, это Дом.

– Не вполне. Он ведь «кто», а не «что».

– Ну и что?! – все хором. – Для нашей семьи это
вполне реально. Потому что нам нужен Дом, а не квад-
ратные метры с удобствами. А раз он существует и мы
должны вот-вот в него переехать, – какая же это сказка?!

– Кргз-ссс! Игг-звзг! Я же говорил тебе: какая сказ-
ка?! Суровая реальность. Не морочила бы, в самом деле,
людям голову, а писала бы обыкновенную повесть.

– Я... я... но я не умею обыкновенные повести писать.
Да что вы все, в самом деле?! Все персонажи из сказки сбе-
жали. Как теперь вообще писать?! Не буду!

– А вот это ты брось, голубушка, – дедушка гово-
рит. – Взясась, так доводи дело до конца. А то – не будет
она, видите ли. А мы что, все так и останемся во взвешен-

ном состоянии: из сказки ушли, до реальности не дошли... Или извинись перед читателями, что сказка не получается и пиши обыкновенную повесть (не бойся – подскажем, если что), или включай в сказку волшебство и продолжай. И не реви, не разводи сырость. И так у нас там холод и сырость в квартирах неотапливаемых.

– Ладно... я... попробую что-нибудь. Вы только возвращайтесь на место, а то я перепутаю, кто где.

.....

Вот такие дела... Не нравится моим персонажам сказка. Волшебства, говорят, в ней нет. И Дом, странный Дом – для них совсем-совсем не странный...

Волшебство... какое же волшебство сюда можно включить? Волшебная палочка? Не пойдёт. Феи добрые? – Тоже не годится. Может, клад пусть найдут? Да нет, ерунда: и не волшебю – клад и без сказки найти можно, и к тому же, если клад найдут, – зачем меняться, и так дом можно будет купить. Что же, что же, что же такое волшебное придумать?! Такое, чтобы в других сказках не было? Дом, а, Дом! А может, ты сам можешь стать волшебным? А?

– А чего там становиться? Что есть, то есть. Было время поднабраться всего понемножку. Это что ж, думаю: раз кирпичом обложили, Дом сразу новым стал?! Основа-то ой-ой, какая старая! Здесь, на этом месте, на фундаменте этом ещё до меня Дом бы, а до него – ещё и ещё... Тут, милая моя, если покопаться, – не только археологам работёнки будет. Может, мудрость веков в основу

меня заложена... хм-м... не буду, конечно, особо хвалиться, но — что есть, то есть...

— Ну, так действуй, давай! А по — распустил нюни. И я... вместе с тобой. Давай-ка, Домик, поупираем носы и окна (я, конечно, — глаза), да и примемся за дело.

— Я — что? я — хоть сейчас. Ты вот — пиши, пиши, давай. За тобой остановка-то.

Ну, что же, продолжим нашу сказку. Раз Санька ничего не захотел писать, вернёмся чуть-чуть назад и продолжим с того места, когда Санечка сказала:

— ... А любовь придёт, — забудешь слова свои. Задумался Санька. И день, и два думал. И много-много дней.

А Дом на тихой зелёной улице совсем пригрюнился. «Как же так, — думал, — неужели во всём, во всём Городе нет такой семьи, которая мне понравилась бы и которой я по душе пришёлся бы,

чтобы переехали они, и зажили бы мы... ух, как зажили бы!»

И решил Дом сам поискать такую семью. Конечно, сойти с места и отправиться на поиски он не мог. Хотя и странный, хоть и волшебный чуть-чуть, однако не так это просто – сняться с места и отправиться, куда глаза глядят. Это и у людей-то не всегда получается. А уж Дому...

Но есть у каждого, если он «кто», такая суть, что вообще-то душой зовётся. А по-научному – биополе или аура, энергетическая оболочка. Есть такая аура и у того, которое «что», но она не может действовать. Существует при своём «что» и всё. А вот у «кто» – она как радиоволны может перемещаться во всём пространстве, собирать информацию обо всём и нести информацию о своём хозяине.

И вот, решил Дом эту свою душу-ауру использовать. Заложил он в неё огромное-огромное желание найти себе хозяев по душе и отправил в путь-дорогу.

Полетела она, невидимая и неслышимая, искать. В каждую квартиру заглядывала, в каждое окошко, в каждую пару глаз человеческих, – искала: где же те, кто же те, кто придёт в Дом, большой, тёплый Дом с Душой, с огромным-огромным желанием принять этих хозяев.

Долго путешествовала Душа Дома по Городу. Ведь Город был хоть и не большой, но и не маленький. Людей в Городе было много. И ко всем она заглянула, к душе каждого прикоснулась.

И странное стало твориться в Городе.

Холод, сырость в квартирах без газа, без света, неудобно. А прилетит Душа Дома, побудет немного, самую малость, только чтоб осмотреться, – и людям как-то хорошо делается. Добрее они становятся к жилью своему, не клянут его уже, стараются сберечь, сохранить тепло, всё хорошее, что ещё есть в жилищах: от холода батареи чугунные одеялами позакрывают, для света свечи или керосинки позажигают. Соберутся у такого живого огня, как у очага домашнего, – и ближе становятся, ссориться перестают. А не ссорятся, – и все невзгоды-лишения легче переносятся.

Или встретит Душа Дома на улице какого-то человека, который не выдержал неудобства, ссор семейных, решил уйти из дома. Коснётся она души его, – и остановится человек, задумается: «Куда и зачем я иду от своей семьи, от дома своего? Вернусь лучше, – помиримся, переживём все вместе, дружно времена трудные, одолеем ветры недобрые».

Много хорошего совершила в своём путешествии по Городу Душа Дома. Многим людям помогла она дыханием своим, поддержала в трудную минуту. Много семей сохранила, вернула многих невыдержавших.

Стали люди в Городе дружнее. Стали заботливее уже не только к своим квартирам, но и к домам большим, в которых эти квартиры находятся. И к Городу своему стали относиться, как к одному большому доброму Дому, который ищет-ищет, ждёт-ждёт своих заботливых хозяев. Хозяевам этим нужны не просто «квадратные метры с удобствами», а Дом, с Душой тёплой, верной, надёжной. Поймут они друг друга, – и дела на лад будут идти. А когда люди весь город воспринимают как Дом и заботятся о нём, как о Доме, то они не допустят, чтобы долго страдали их жилища без тепла, начнут настойчивее добиваться, завозить топливо в котельные, газ в ёмкости. Свет экономить, чтобы всем хватило.

А появится в домах тепло от батарей потеплевших, появится газ, а с ним – еда горячая, чай ароматный, – вообще хорошо людям жить станет.

Только дружнее, всем вместе действовать надо. Как одной семьёй о Доме-Городе своём заботиться. И он, благодарный, поддержит, добром оплатит.

.....

Но у нас пока ещё Душа Дома путешествует. Люди только начали догадываться-понимать всё, что с ними происходит.

.....

Прилетела так Душа Дома в один конец Города, в квартиру, где жили Саня, Санечка и Санька с Сашкой. Заглянула в окна, залетела в форточку приоткрытую, примостилась в уголочке – послушать, о чём эта семья беседует, какие у них проблемы неразрешимые.

Семья Александровых в кухне за столом сидела. Пока свет не отключили, – Санечка приготовила ужин на печке электрической. А теперь поставили лампу керосиновую на стол и начали при огне живом ужинать. Да беседовать потихонечку. Потому что при огне живом не нужно громко говорить: таинственным всё кажется, хочется эту таинственность сохранить. Но слова были не очень весёлые.

– Я ещё уроки не все сделала, – сказала Сашка, поёживаясь в курточке, – а свет уже отключили...

– Я тебя предупреждала, – покорила Санечка, разливая в чашки простывший чай, – поторопись.

Ты же на кукол своих отвлекалась. С куклами и в потёмках поиграть можно. А уроки теперь при лампе доделывать придётся.

Поужинали все, усадила Санечка Сашку уроки доделывать при лампе на кухне, где чуточку теплей было. И, поскольку другой лампы у них не было, зажгли ещё свечи и ушли втроем в комнату, чтобы не мешать.

Холодно в квартире. Кутается Санечка в фуфайку стёганную, ноги одеялом себе и сани заворачивает, и вдруг заплакала.

– Ну, что это за жизнь такая! Устала я от холода этого! Жили бы мы в своём Доме, затопили бы печку, отогрелись бы и телом, и душой... А здесь... – всхлипнула Санечка и погладила свернувшуюся на кровати в клубочек кошку, – а сейчас у нас даже Мурка мурлыкать от холода не умеет! – отчаянно проговорила она.

Встрепенулась Душа Дома в своём уголке: таким тоном Санечка о Доме сказала, что поняла она – нашла, наконец, хозяев своему Дому.

А Санечка тем временем продолжала.

– Мы бы уже давно обменялись. Но бабушка с дедушкой всё не решаются никак. Боятся они будущих разладов, а того не хотят понять, что вот так, порознь, нас всё хуже и хуже будет. Объединяться надо. Обменяемся мы одни, молодые, – не

то будет. Потому что всё равно порознь, не полная семья. Дому же нужна вся семья вместе.

Запомнила Душа Дома эти слова, коснулась она душ всего семейства, оставила им надежду на лучшее. А сама полетела дальше по городу, искать дедушку с бабушкой. Долго ли, коротко ли путешествовала она ещё, – а нашла и их.

Сидели дедушка с бабушкой у каминчика маленького: у них в ту пору свет не отключили, – грелись и беседовали, тоже потихоньку.

– Хорошо бы, – сказала бабушка, – поменяться всё-таки на дом. Дел, конечно, в нём ой-ой сколько, но хотелось бы на старости лет погреться у печи, у огня живого, весёлого...

– Хорошо бы, – вздохнул дедушка. – Однако боюсь я всё же разладов будущих. Ну, как не уживёмся с молодыми? Куда подадимся на старости лет?

Послушала это Душа Дома, погрустила и решила на время остаться с дедушкой и бабушкой.

Легли они спать, а Душа Дома навеяла им сны о Дому большом, добром, тёплом. Что ждёт – не дожждётся их Дом, что готов их принять он – семью объединённую, помочь преодолеть все невзгоды, несчастья.

И приснилось бабушке, будто истопила она в Доме печку, приготовила ужин, а вся семья большая за столом собралась. Едят, похваливают бабушкину стряпню. Санька добавки просит, а Сашка под руки лезет:

– Бабушка, а что ещё вкусненькое есть?

– Будет, будет тебе вкусненькое. Вот, пирожки в духовке испекла с вареньем абрикосовым, что из своих абрикос летом наварили, – погладила бабушка Сашку по головке.

Улыбнулась бабушка во сне.

А дедушке сон приснился, что построил он во дворе Дома ветряк, приспособил к нему аккумулятор, и нет больше у семьи тревог, что свет отключится: своё электричество всегда есть. И телевизор посмотреть, и воду согреть, и, чтобы топливо дорогое экономить, – камины включать можно.

Возится дедушка на подворье по хозяйству, а Санька помогает ему, совета спрашивает. И говорит:

– Вы, дедушка, зря беспокоитесь, что приведу жену я чужую. У меня и невесты пока нет ещё. А уж если будет, то вряд ли плохой наша семья по сердцу придётся, – не пойдёт она за меня замуж. Значит, и бояться нечего: хорошая будет у меня жена.

Улыбнулся дедушка во сне.

А утром приехали к ним все молодые Александровы.

– Дедушка, бабушка, – сказала Санечка чуть не с порога, – мы приехали, чтобы ещё раз всё вместе решить. Нельзя так больше!

– Да сядьте вы, с дороги! – засмеялась бабушка. – Куда торопиться-то? Серьёзные дела так, с ходу не решаются. Сейчас чаю все вместе попьём, всё и обговорим.

Накрыла бабушка на стол, расселись все за чаем ароматным. И сказал дедушка:

– В общем, оно понятно: решаться надо. Что там дальше будет – разберёмся, взрослые люди все. Но вот ведь: зима идёт. Кто же зимой меняется?

– Мы! – хором ответили молодые Александровы.

– Так ведь его ещё найти нужно тот Дом. Где он?

– А вот, я просматривал газеты, и объявление увидел, – показал Санька газету. – Видите: «Меняется Дом на две квартиры».

– Да тот ли это ещё Дом, что нам нужен? – засомневалась бабушка.

«Конечно! Конечно тот! – аж плясала, вилась над всеми обрадованная Душа Дома. – И нисколечко даже не сомневайтесь!»

Но её, правда, никто не видел и не слышал, только у каждого из Александровых появилась уверенность: да, это именно тот Дом.

– Давайте, поедем, посмотрим, – предложил Саня.

– Газета-то старая, летняя ещё, – вставил дедушка. – Может, люди уже и обменялись.

– Может – не может, а посмотреть надо, – взволнованно сказала Санечка. – Поедёмте! Прямо сейчас!

– Ну, мне по хозяйству надо заняться, – улыбнулась бабушка. – Да и Сашке, чего ездить? Пусть со мной побудет.

– Хочу посмотреть наш Дом! – заныла Сашка.

– Если это наш Дом, – насмотришься ещё, – осадил её Саня. – Лучше почитай книжку, пока светло.

Собрались, и вчетвером поехали по адресу, который в газете был указан.

А Душа Дома полетела прямо к Дому, понесла ему радостную весть.

А в Доме между тем у двух семей вовсе разлад пошёл. Душа Дома ведь отсутствовала, ничто не сдерживало ни гнева, ни раздражения их, вот и ругались, ругались все дни. И в тот день ругались уже с утра. Кто печку топить должен? Кто посуду

оставил с вечера невымытую? И многое, многое мелкое, но обидное.

И вдруг стихли, угомонились. Это когда Душа Дома возвратилась с радостной вестью. Дом, конечно, обо всё узнал раньше хозяев, а тут и они – вдруг слышат: стучат у ворот, собака большая залаяла, с цепи рвётся. Кто бы это?

Вышла за ворота хозяйка. Смотрит – стоят дедушка, Саня, Санечка и Санька.

– Кто вы такие? – спрашивает. – Что вам нужно?

– Да вот, – говорит дедушка, – пришли по объявлению, да боимся, что поздно уже: газету старую читали.

– Нет, – отвечает хозяйка, – не поздно. Как раз вовремя. Заходите в дом, смотрите. Мы готовы хоть прямо сейчас меняться.

– Можно, – попросил дедушка, – я сначала во дворе, снаружи Дом посмотрю?

– Смотрите, всё смотрите, – отвечает хозяйка.

Собаку большую, злую заперла в будке и проводила Саню, Санечку и Саньку в Дом, сказала брату своему, чтобы показал им всё, а сама вернулась к дедушке.

Осмотрел дедушка двор, Дом снаружи. И подивился: вот здесь, на этом месте он во сне ветряк построил. Покачал с улыбкой головою: ну и ну! просто сказка!

Вошёл он вслед за хозяйкой в Дом. Зашли в сени-веранду пристроенную, оттуда – в коридор длинный, по обе стороны которого по две двери в четыре комнаты, а дальше коридор выходил в большую кухню-столовую с печкой. Из кухни был ещё выход, в другие сени, и оттуда – во двор, только с другой стороны Дома. А сбоку из кухни, ближе к коридору, вела наверх небольшая лестница в ещё одну комнату – мансарду. Под мансардой со стороны двора были две кладовки-сарайчика, а из сеней около кухни вела дверь в ванную с туалетом.

– Хорошо, – сказала Санечка, вздохнув, – Дом большой, тёплый. И комнат много.

– Да странный он какой-то, – заметил дедушка. – Планировка странная. Обычно кухня сначала идёт, а потом комнаты. А здесь наоборот.

– Ну, – засмеялся Санька, – это смотря откуда зайти. Если через эту дверь, то кухня как раз сначала. А что странный, – то как раз такой Дом для нашей семьи и подходит. Мне нравится.

– И мне – сказал Саня.

А Санечка только тихонечко вздохнула и посмотрела на дедушку.

– С бабушкой обсудить надо, – сказал дедушка. – Да и хозяевам ещё наши квартиры посмотреть. Вдруг да не понравятся. После такого тепла-то, при зиме наступающей...

– Да-да, – покивали брат с сестрой, – мы тоже посмотрим ваши квартиры, тогда и обсудим.

Ну, сами понимаете, Дом никак не мог после такого долгого ожидания, после поисков многодневных допустить, чтобы обмен не состоялся. Тут уж он давай стараться. И сны навевать такие, что хозяевам уже хотелось поскорей уехать из этого, ставшего им чужим, дома. А то устроит так, что какая-то вещь одной семьи оказывалась в комнатах другой – они опять давай ссориться.

Съездили к дедушке с бабушкой, к молодым Александровым, посмотрели квартиры. Холодными они им показались после тёплой печки Дома. Но тут как раз завезли в Город много топлива и газа, пообещали, что на всю зиму хватит. И решились две семьи среди зимы на обмен. Уж очень невмоготу стало всё время в ссорах и ругани жить.

Так и получилось, что к Новому году, празднику весёлому и светлому, переехала объединённая семья Александровых в большой, тёплый, добрый Дом.

Переехали, разместились. Дедушка с бабушкой поселились в комнате ближе к кухне, куда щит от печки выходил. В комнате напротив Сашка разместилась, рядом – Саня с Санечкой. А Санька облюбовал себе мансарду. Там хоть и не так тепло

было, но он сказал, что после квартирного холода ничего не боится: привычно. Последнюю комнату оставили для гостей – если, кто-то приедет.

И вот наступило 31 декабря.

Дедушка привёз с ёлочного базара маленькую пушистую ёлочку. Долго обсуждали, где же её поставить. И решили – в кухне, в углу, подальше от печки. Здесь, в самом большом помещении Дома, где находится семейный очаг-печка и вся семья собирается, – здесь и ёлке стоять. Все вместе обрядили ёлочку, прибрали в Доме чисто, сами вымылись в ванной с титаном, ужин праздничный приготовили и стали дожидаться Нового года, чтобы подарки друг другу подарить, поздравить всех и каждого с наступлением праздника.

Одевается Санечка к праздничному столу, вдруг смотрит – среди её вещей шоколадка лежит. Большая, в яркой обёртке, в хрустящей серебряной бумажке. Засмеялась Санечка: ну и Саня! Так не мог подарить – в вещи подложил.

Поправляет Саня перед зеркалом шифоньера воротничок рубашки праздничной. Вдруг что-то упало сверху. Наклонился он, смотрит – книга, которую он давно-давно искал по всем магазинам, найти не мог. «Ну, Санечка, ну, милая! – подумал.

– Вот спасибо за такой подарок! Но только почему сама не дала, а так странно – чуть по голове этим подарком не получил...»

Постучался Санька к ним в комнату, держит в руках диск для плеера.

– Мам, пап, – говорит радостно, – вот спасибо: я давно об этом альбоме мечтал! Только вы его так подсунули, что я чуть не раздавил...

Переглянулись Саня с Санечкой озадаченно.

– Извини, Санька, – говорят, – но мы тебе совсем другой подарок приготовили. Вот, свитер новый, красивый. А диск, наверное, бабушка с бабушкой подарили...

– Да? – тогда я их поблагодарю, – сказал Санька и вышел.

– А это тебе, дорогая, – повернулся Саня к Санечке, протягивая маленький свёрток.

Санечка развернула и увидела тёплую красивую косынку.

– Спасибо! – поцеловала Саню. – Но ведь ты уже подарил мне шоколадку, зачем так много подарков?

– Не дарил я тебе шоколадку, наверное, это Санька. А вот за книгу тебе огромное спасибо!

– За какую книгу? – удивилась Санечка. – Я тебе носки тёплые связала, вот, примерь.

– Странно, – сказал Саня. – Что-то у нас всё перепуталось. Ладно, давай возьмём подарки для Сашки, дедушки и бабушки и пойдём поздравлять. Скоро уже за стол.

Выходят они в кухню-столовую, а там бабушка стоит у стола и смеётся, вертит в руках новые очки (у старых её давно дужка одна треснула, болталась).

– Кто же это мне подарил? – спрашивает. – Прямо в карман фартука сунули.

– Не я, – сказал Санька, – я вам, бабушка, красивую доску кухонную приготовил.

– И не мы, – сказала Санечка, – от нас носки и рукавички тёплые.

– И не я, – сказал дедушка, – от меня – чашка расписная.

– Ну, а Сашка купить очки не могла, – растерялась бабушка.

Дедушка озадаченно сел в своё любимое кресло, но что-то ему мешало, он поёрзал, а потом вытащил из-под накидки новый тёплый плед.

– А это – кто? – спросил всех.

И все растерянно покачали головами.

– Вот это да! – воскликнула Сашка, вбегая в кухню-столовую с большой коробкой карандашей цветных в руках. – Кто это мне подарил?

Опять все покачали головами.

Положили они все странные подарки на стол: диск, книгу, шоколадку, карандаши, очки и плед, и сели в задумчивости. Как же так? Никто этих вещей не дарил, а подарки – вот они. Откуда же?!

– Я знаю! – воскликнула Сашка. – Это – Дом! Он же странный, волшебный.

– Нас всех объединил... – добавил Санька.

– Отогрел... – сказала Санечка.

– Сдружил... – сказал Саня.

– Ну и ну... – сказала бабушка.

– Но откуда Дом это мог взять? – удивился дедушка.

– Да ведь он же – ДОМ! – воскликнули все. – Он же «КТО», а не «ЧТО».

– Просто волшебный странный Дом, – сделала заключение Санечка. – Вот только... Ему-то мы подарка не сделали...

Но тут загудел веселее огонь живой в печке, задрожали задорно веточки ёлки пушисто, засверкали игрушки яркие на ней.

Это Дом сказал, что самый главный подарок он получил.

И наступил Новый год.

– С Новым годом! – закричал Санька, разливая шампанское.

– С новым счастьем! – подхватили все.

Ну, вот и всё. Можно и заканчивать нашу сказку. Дом, а ты почему ничего не сказал, а?

– А что говорить? И так всё ясно.

– А вы все, не хотите сказать что-нибудь на прощанье?

– Да что говорить? Поживём – увидим, – улыбнулась бабушка.

– Вот-вот, – добавил дедушка. – Дело-то здесь невпроворот. Весной возьмёмся. Почему бы, в самом деле, ветряк не поставить...

– Нормальный Дом, класс! – Санька

– Здесь так здорово! – воскликнула Сашка. – И собаку, Джека, мы себе оставили. Наша кошка Мурка уже успела с ним подраться. Но они подружатся. Обязательно!

– Хорошо здесь, – согласился Саня. – Мне, вообще, везде хорошо, лишь бы всей семьёй, вместе...

– Тепло так! – улыбнулась Санечка.

– Мрррр-мрр, мрррр-мрр...

– А это кто? Это ты так, Дом?

– Нет, это Мурка отогрелась у печки и петь научилась.

Ну, что ж, тогда всем вам – с Новым годом!

Осталось написать заключительные слова...

Ой, что это упало? Под стол скатилось. Сейчас достану... Ручка... Красивая, удобная ручка... Дом, это ты? Ну, спасибо тебе! А я что тебе подарю?

– Ты уже подарила. Сказку. Добрую сказку. И теперь все будут знать, что Дом – это «кто», а не «что». Пиши этой ручкой побольше добрых сказок.

– Хорошо, я постараюсь. А пока я этой ручкой подаренной закончу нашу сказку, добрую сказку добрыми словами.

И стали они жить-поживать и добра наживать.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ МУРКИ

Мрррр-мрр, мрррр-мрр,

Мрррр-мрр, мрррр-мрр...

Меркнет небо за окошком

Каждый вечер круглый год,

Мирно в доме, если кошка

Колыбельную поёт.

Мрррр-мрр, мрррр-мрр,

Мрррр-мрр, мрррр-мрр...

Во дворе собака лает –

Дом снаружи сторожит.

Может кошка – каждый знает –

И с собакой в мире жить.

Грррр-мрр, врррр-мрр,

Грррр-мрр, врррр-мрр...

Молока налейте плошку –
Есть достаток и придёт,
Если в доме вашем кошка
Колыбельную поёт.

Мрррр-мрр, мрррр-мрр,
Мрррр-мрр, мрррр-мрр...

Вторит ей сверчок запечный:
Отгоняет он беду.
Будет счастье в доме вечно,
Если все живут в ладу.

Чрррр-мрр, чрррр-мрр,
Чрррр-мрр, чрррр-мрр...

30.07.1996 г. – 07.01. – 24.01.2010 г.

г. Керчь

Литературно-художественное издание
Левченко Татьяна Владимировна
«Мы и Дом. Сказка эпохи перемен»

Компьютерный набор: Левченко Т. В.

Редактор: Вдовенко А. Н

Формат 84x108 1/32. Заказ № 43
Бумага офисная Печать цифровая.
Усл.-печ. л. 5,5. Тираж 100 экз.
Дизайн, макет: Татьяна Левченко,
«Керченское городское литературное
объединение «Ли́ра Боспора»